

Быть съеденной - это было бы очень страшно. Но лишь немногим меньший ужас охватил Шаос при мысли о том, что её так и начнут пичкать этим зельем каждый день, превращая тем самым в тупое мясо... кхем, превращая в лишённое воли тупое мясо... эээ... короче, без намёков, тем более что не настолько она, блин, плоха! Но ей было страшно, что под этим веществом жизнь её превратится в бессвязный комок времени. Что во всём этом угаре она перестанет себя осознавать, целыми кусками теряя недели, месяцы или даже годы своей жизни. Что она сгинет в этом прогнившем подвале из памяти всех, кто её когда-либо знал. Что её забудут, а собственный разум бесследно растворится в густой молочной дымке без какой-либо возможности спастись. Её будто бы не станет!

Однако же, настолько жалкая судьба её не ждала. По крайней мере - пока что. И после продолжительной болезни, когда жар инфекции начал её отпускать, то она сама же удивлялась чёткости своих мыслей. И уж тем более - когда её, привязанную за её же собственный ошейник к вбитому в землю колу, окатили водой. Речной, блин, водой, от которой она если и стала чище по сравнению с тем, когда лежала в своей же блевоте, то если только самую малость!

- Вставай. - Дёрнул её за руку тот самый обожжённый детина. И грубо потащил за собой, мимоходом вырывая из земли тот кол, с которым сама ехидна справиться не могла.

Девушка плелась за ним. Спотыкалась, практически падала - но шла сама. Ноги её слушались. Руки - тоже. Она могла мыслить и осознавать себя, а значило это то, что как минимум сутки этой дрянью её не пичкали. И при этом её лишь слегка, самую малость придерживали за плечо.

Сейчас её вывели из подвала, чтобы помыть. Она с удовольствием подёргивала маленьким носиком и нюхала этот сырой болотный воздух, дивясь его свежести и чистоте!.. Чистоте и свежести по сравнению с той никак не выветривающейся гнилью, что источала скрытая от её глаз комнатуха...

А ведь там кого-то держали. Ещё живого! Когда приходили кормить Шаос, то всегда относили миску еды и за стену. Вносили и выносили и вёдра - с отходами ли, водой, кто знает. Но туда также регулярно захаживали!

Флинн?.. Или Райзи?.. Б-быть может, её там держали на таком же столе, пока животик её насильно вспучивался от проросшего семени этих мерзавцев? Может быть - она была там даже не одна, а за дверью скрывался целый родильный цех...

Нет... Для "вспучивания" было ещё слишком рано. Она же не ехидна? Да, не ехидна... При этой мысли Шаос опустила взгляд вниз, глядя на своё округляющееся пузико. Кормили её неважно и большую часть еды она не принимала, поэтому прикинуть срок она могла лишь примерно, но... день на четвёртый могло тянуть?

Но для Райзи так было даже лучше... Ведь в таком случае у неё было как минимум девять гарантированных месяцев жизни, на протяжении которых у неё были шансы выжить!..

Выжить... Всегда и в первую очередь важно именно выжить. А уже потом - думать о последствиях и сокрушаться о своей судьбе. Умереть-то всегда успеешь! Для Шаос же этот вопрос стоял немного менее... о, нет! Не немного - она хоть и боится умирать, но "жизнь" дамианца стоит ГОРАЗДО меньше, чем жизнь смертного.

Ей нужно было бежать. Срываться с места и бежать, немедленно! Иного достойного шанса у неё могло не быть! Возможно, что ценой целостности своей шкурки, но она должна была использовать все возможности, которые ей могли быть предоставлены!

И Шаос рванула. Её влажное плечо легко выскользнуло из руки уверившегося в её пассивности человека, она присела вниз и приготовилась бежать - хоть куда! При этом не задумываясь о том, был ли у неё шанс каким-либо образом от него оторваться - в крайнем случае, она бы согласилась прыгнуть в крысиный колодец! Если бы только смогла сдвинуть крышку, но там она видела для себя больше шансов спастись. В крайнем случае - НЕ спастись... Такой вариант также допускался, лишь бы только это произошло быстро!

Она должна была обо всём рассказать и привести помощь!

Эх... Всё бы только если бы она, не сделав и полного шага, не поскользнулась на земле голой пяткой и тут же, прямо под ногами копчёного, не растянулась. Девушка грохнулась в грязь этими плохо нарастающими обрубками крыльев и громко ухнула.

Однако же настроена она была крайне серьёзно. И когда смущённый подобной грацией человек потянулся к ней, чтобы взять в охапку, девушка вцепилась в его лапищу обеими руками, то голубоволосая девчонка, с испуганным шипением, вонзилась в неё зубами...

Ну, как вонзилась?.. Для сохранения её нелепого, но милого внешнего вида, Госпожа не надела её клыками - Лиза укусила его своими обычными полуполуросличьими зубками. Присосалась своим маленьким, обрамлённым розовыми губками ротиком, даже не сумев прокусить тому кожу, а лишь оставив на ней несколько тёмных отметин.

Впрочем, это все равно было довольно-таки больно. Поэтому её истязатель, со словами: "Вот же сука!" - отвесил по щеке ехидны смачный шлепок. Сперва - шлепок, от которого она откатилась в сторону, а затем нанёс и полноценный удар кулаком, вернувший её на место и заполнивший рот солоноватым привкусом разбитых губ.

- Решила выпустить коготки, да?!

Ехидну растянули по земле. Безвольно раскинули в стороны её вялые лапки и нажимом колена заставили развести ноги, чем обнажили её милые грудки, аппетитно пухленький животик и девственно-узкую щель половых губ - да, сейчас она выглядела в его глазах даже более сытенькой, чем при первой встрече. Излишне провисшая после родов и жестокого секса кожа ушла и теперь была плотно обернута вокруг истинных форм... Точнее, не совсем истинных, но он-то того не знал? Не знал, что значит её светящаяся метка и не знал, что шёл уже пятый день, как внутри неё росло крысиное (да и не только) потомство.

- Развлечёмся, малышка?

И он прильнул к её разбитым губам в жадном поцелуе. Вошёл языком в её уютный, кряхтящий ему в ответ ротик, полностью заполняя его своим огромным солёным мускулом... При этом руки его заскользили ниже, пока он не коснулся её плечей. Не обогнул её будто бы также набухшие грудки и не сжал их, чем довёл девушку до сладкой истомы - ей было противно чувствовать это сейчас, но она ничего не могла с собой сделать! Совсем маленькие, ещё плохо оформившиеся крысятки внутри её молочных каналцев стали теми самыми уплотнениями, вокруг которых она особенно сильно прочувствовала боль прикосновения...

Сладостное чувство, от которого она сразу же стала вялой и податливой. Её более не нужно было держать, она вновь стала хорошей и послушной ехидной в надежде на то, что если она сделает всё так, как нужно, то к ней за это проявят снисхождение... А когда её рот освободили от языка, лишая вслед за собой и влажной струйки розовой слюны, то она подтянула к разбитой мордашке сложенные вместе лапки и мило так ими прикрылась, ведь иного варианта выдержать эти ощущения у Шаос не было - он коснулся её беременного пузика. Полностью накрыл обеими руками образовавшуюся округлость, даря столь любимое чувство тепла и заботы. Слезающиеся от удовольствия глаза закрылись сами...

В любой бы другой момент она оказалась этому безмерно рада. В любой другой - но не сейчас. И вялым, плохо слушающимся языком она произнесла:

- ...умоляю, пустите нас... Лиза сделает всё, только отпустите. Она будет хоосэй ехидной.

И человек, к небывалому облегчению полукровки, убрал руки. Чтобы она смогла открыть глаза и не чувствовать того грязного, противного ей удовольствия... А также - разглядеть то, как он провёл руками вдоль её бёдер. Запустил пальцы ей под колени и широко развёл их в стороны, чем придал её телу готовое к соитию положение. Оставалось только спустить штаны, немного развести пальцами её киску, чтобы член смог найти хоть какую-то выемку, и, взявшись за её тельце руками... прямо так, что большие пальцы легли по нижней границе наполненных крысятками грудей - вошёл.

Боль. Тупая тягучая боль. Такая привычная... Но сколько Шаос ни прятала лицо за руками, подавить слёзы она не могла. Вот он, вздув эту шишку в её промежности, упёрся ей в шейку матки. Отвёл бёдра назад, приготовился...

Но боялась Шаос не боли - грозило быть нарушенным ещё одно из её условных правил. Н-не то, чтобы СЛИШКОМ строгое, но... Но сейчас ей нельзя было это делать. Не на этом сроке!.. Она не была согласна терять!.. Не разрешала!

Болотник вошёл. Мощным движением бёдер, он "прохрустел" плохо разработанным маточным кольцом ехидны и "провалился" глубже, протискиваясь между туго наполняющимися её матку мешочками с потомством. Они напрягались, болезненно сдавливались под членом... и, отпущенные на пару мгновений - вновь сжимались под ним. И ещё. Ещё! Ещё! Ни о чём не заботясь, он начал месить её беременную матку, раз за разом распахивая и растягивая её

плоды. Впечатывая их в стенки!

Вымученный стон сорвался с губ девушки. Она стиснула сочащиеся веки, плотнее прижала к лицу руки и ощутила, как от обиды сжалось её горло - ведь Шаос знала, чем это всё обернётся. Если он продолжит так пихать и не проявит хоть немного осторожности, то её потомство будет уничтожено. Потенциально живое потомство будет убито!..

- Остановись... Ты их убьёс!

Он не остановился. Напротив - он подхватил дамианку под спину и, усаживаясь жопой на землю, начал долбить её ещё яростнее, ещё быстрее насаживая её коротенькое, в длину его члена тельце одними только руками.

И вот он - первый хлопок. И сырость... Околоплодные воды оказались освобождены, звуки шлепков их гениталий стали ещё мокрее. Крысятки на тонких нитях-пуповинах теперь расплывались по её матке... И ведь у них ещё был шанс выжить даже в таком состоянии! Она бы всё равно могла их выносить, но!.. Но опаленный притормозил лишь на пару секунд, прежде чем понял, что ничего страшного не произошло - это всего лишь эта полурослица опять где-нибудь прорвалась. И продолжил наращивать обороты. Сжимал её за бока и насаживал, насаживал её на огромный мясной корень. Словно бы дубиной, тупоголовой толкушкой разбивая содержимое Шаос - ломая, давя и разрывая его на части. Смешивая всё внутри её живота в кровавую кашу...

- Что? - Спросил он, громко сопя. Неподвижно сидя на пятой точке, он лишь двигал удобным для дрочки телом дамианки. Вверх и вниз, чем заставлял ломаться спиной и скулить. - Кровь уже пустила, да?

Член его покрывался кровавыми ошмётками. Кровь сочилась с её туго охватывающий сей орган киски. Пенилась и пузырилась. А девушка стискивала веки и скребла лапками по заплаканному личику. Ей было больно физически. Ей было больно морально... Ей хотелось, чтобы это прекратилось.

Пожалуйста, пусть это закончится!

- Я тебя там всю перемолол, нет? Порвал твою жалкую пиздёнку, хаха!

Теперь он уже откровенно хлюпал. Выдавливал с неё кровь и всякие ошмётки: крохотные, ещё совсем мягкие косточки, кусочки выжатой кожи и изорванные потрошка.

- Умоляю... - Давясь тягучей слюной, произнесла Шаос. И с каждой секундой, проведённой с этим человеком, взгляд её стекленел всё сильнее. Её тошнило от отвращения, скручивало потроха. И до сих пор не посетило ни единого оргазма. - Быстее, контайте в Лизку... Плосу, быстее...

- Быстрее? - И он вновь нарастил скорость, превращая общий фон в сплошное чавканье. Он дивился тому, как эта шишка движется внутри её тела. Как заползает по верх её рёбер, досконально их пересчитывает или же утыкается в них. Это усиливало в нём страсть. Порождало желание слиться с ней, породив в её разрушенной матке своё дитя!.. Он должен был "клеить" эту сучку своим плодом!

И он кончил. До упора натянул безвольное тело голубоволосой девки и выстрелил в неё семя, на долгие секунды замирая в этой крайней точке экстремума...

Он хлестал в неё многими струями. Наполнял её забитое кровью и разорванными потрохами нутро, раздувая её милый животик до той степени, пока пупочек её не вывернулся наизнанку, а с губ её не сорвалось измученное, не способное более сдерживаться скуление.

И тогда её сдёрнули. Полным грубости движением, он в последний раз вздрочнул её телом и сорвал его с себя, бросая прямо наземь и... и конкретно столбенея при виде того, когда из её вывалившейся наружу матки хлынула не только смешанная с его семенем кровяца, но и ошметки рваной плоти. Какие-то шкурки и лохмотья, в очертаниях которых были различимы крысиные зародыши... Некоторые - даже умудрялись кое-как шевелиться, подёргивая обломанными конечностями и всё ещё связываясь с матерью через нити пуповин...

- Нихерасеньки себе...

Теперь Шаос уже не плакала - она горько ревела. Прямо локтями она непрерывно утирала с перекошенного лица слёзы, пока ноги её ритмично подёргивались, дополняя собой картину полного морального и физического уничтожения.

- З-затем вы... затем вы это... сделали?! - Сквоць всхлипы и рёв, произнесла она. Девушка громко сморгнула носом, придержала в себе всё ещё рвущиеся наружу слёзы и... и привстала на локтях, чтобы с ужасом взглянуть на всё это месиво...

И на то, как метка на её растянутом животике начала тухнуть...

Она больше не была беременна.

Шаос сидела на углу стола, смиренно спустив с него ноги. Взгляд её выражал безразличие, а сама она была больше похожа на миловидную, но грязную и нечёсаную куклу, нежели на живое существо.

Рядом с ней стояли люди - матушка Фагрэнда и трое её сыновей. И с откровенным изумлением разглядывали содержимое глиняной миски, наскоро собранное прямо с земли - перемолотое крысиное потомство. Жгуты пуповин. Плаценты. Какие-то оболочки и... и не крысиные куски -

тоже. В тот момент она была беременна от двух видов одновременно...

- Это ж мои, не? И крысиные...

- Да я сама вижу! - Огрызнулась матушка, едва сдержавшись, чтобы не стукнуть этого увальня рукою. - Но она ж и неделю у нас не пробыла - хочешь сказать, что она уже таких взрастить в своей утробе успела?!

Шаос не шевелилась. Нет, она лишь смиренно ждала - её даже не стали покамест связывать, ибо она едва ли проявляла признаки сознания...

Впрочем, она бы, возможно, и рада была погрузиться в забытие, но внутри её омертвелой оболочки непрерывно крутилась единая мысль - ей нужно отсюда бежать. Если они прознают, что она легко и в такие сроки порождает потомство от любой, даже неразумной твари, то дальнейшая её судьба будет предрешена - она станет для них источником белка. Отменной пищи на любой, даже самый притязательный вкус!

Бежать... Вот только как? Насколько она могла понять, но когда её оставляли одну, то люк сверху чем-то приваливали. Получится ли открыть его у такой крохи, как она, стоя в это время на неудобных ступеньках? И это при условии, что она каким-то образом выберется из петель...

Попробовать бы стоило - но вряд ли.

Как-то спастись, пока она будет отвязана? По лестнице она быстро не заберётся. Да и люк, даже ничем не придавленный, тоже мог вызвать ряд проблем... Это займёт время, а при условии, что её не оставляют отвязанной наедине лишь с собой - ей каким-то образом придётся одолеть как минимум одного из этих мужиков...

В нормальной жизни от такой мысли она бы даже рассмеялась.

Нужно было придумать что-то ещё! Вот к примеру, ехидна видела знакомый ониковый браслет на руке этой тётки. Старуха даже не знала, что носит на себе, но если бы у Шаос была возможность как-то его забрать, то... То что бы тогда? Она сможет превратить в такую же кровавую кашу любого из здесь присутствующих, но для этого ей пришлось бы совершить как минимум три взмаха чрезмерно неудобным, тяжёлым посохом. И это в лучшем случае - всего три. И чтобы за это время он не оказался у неё самой где-нибудь в жопе. Вышибить же с его помощью люк... или хотя бы ту дверь было невозможно - Обсидон обладает дурным нравом и в лучшем случае оторвёт ей руки, если она начнёт бездумно лупить им по стенам. Впрочем, это могло бы стать быстрым способом отправиться к "точке возрождения"... То есть, на свободу...

Но что гадать? Разве у неё был какой-либо способ снять его с руки этой гримзы? В наглую сорвать его своими мягкими лапками? Умыкнуть его тайно, задействовав доселе скрытые навыки карманницы? Выпросить? Ну-ну...

Её живота коснулись грязные пальцы матушки Фагрэнды. Начали разминать его, по всякому трогать. В том числе сосредотачиваясь и на её метке, отныне - уже не светящейся. Также, как было и с самого начала, до того как её спустили к крысам, от которых она понесла...

Хатакри... Если Хатакри в недавнем времени не умирала... либо же - была прилежной ехидной... нет, прилежной ехидной она вряд ли была, но надежда на то, что она к этому времени возродиться, была достаточно высока. Она могла обо всём рассказать! Описать нападавших и привести помощь!..

Только всерьёз надеяться на Хатакри Шаос не могла - эта женщина крайне апатична и казалось, что целиком состояла из флегмы и кусков мороженого окуня. Лиза не сильно бы удивилась, если бы она возродилась и просто забила на произошедшее - мол, все сдохли и хер с ним. Пойду отдохну.

Их поиски мог начать Кевин или Флинн. Господин, конечно же, тоже несколько "на своей волне", а Флинн... Да, она слишком хорошо подумала об этом крысёныше. Если это не он сидит в той комнате и его сейчас не режут на части, то он уже наверняка купил себе дом в Инокополисе и пьёт у камина дубовое вино.

Да и смогут ли они их найти?

- Кто-нибудь, сбегайте-ка и приведите сюда свинью.

- Зачем? Пусть растут, у нас же сейчас есть... - Посмел сомневаться в словах матери огромный детина, за что прямо по зубам получил стискивающим старческую руку браслетом.

- Веди свинью, говорю! Если я права - у нас больше никогда не будет проблем с пищей!

Ехидна крайне лениво стиснула веки, пока с глаз её не скатились слёзы.

Пожалуйста... пожалуйста, Госпожа, не дай ей забеременеть... Когда угодно, но не сейчас!

<http://tl.rulate.ru/book/412/81802>